

СИРИЛ
ХЕЙР

ТРАГЕДИЯ
ПО ЗАКОНУ

КЛАССИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Классический детектив

Сирил Хейр

Трагедия по закону

«Издательство АСТ»

1942

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Хейр С.

Трагедия по закону / С. Хейр — «Издательство АСТ»,
1942 — (Классический детектив)

ISBN 978-5-17-179975-5

Член Высокого суда Джастис Барбер председательствует на самых серьезных процессах Южной Англии. Он вынес множество приговоров – но кто из осужденных им преступников или их близких прислал ему анонимное письмо с угрозами? Поначалу Барбер не воспринимает это всерьез – однако вскоре ему лишь чудом удастся избежать смерти. Полиция бездействует. И тогда за дело берется детектив-любитель Фрэнсис Петтигрю – человек, у которого редкий дар задавать нужным людям нужные вопросы. Вот только успеет ли он узнать, кто хочет избавиться от судьи, пока убийца не осуществил задуманное?

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-179975-5

© Хейр С., 1942

© Издательство АСТ, 1942

Содержание

Глава 1	9
Глава 2	17
Глава 3	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Хейр С

Трагедия по закону

Cyril Hare
TRAGEDY AT LAW

© Charles Gordon Clark, 1942

© Перевод. И. Доронина, 2025

© Издание на русском языке AST Publishers, 2025

КЛАССИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

CYRIL
HARE
—•—
TRAGEDY
AT LAW

СИРИЛ
ХЕЙР
—
ТРАГЕДИЯ
ПО ЗАКОНУ

Издательство АСТ
Москва

Глава 1

Без герольдов

– Значит, герольдов нет! – меланхолично произнес его светлость с неодобрением и легким оттенком раздражения.

Не предназначенные никому персонально, его слова остались без ответа, возможно, потому, что констатация столь очевидного факта никакого ответа и не предполагала. Все остальное, что можно было придумать или чего требовала традиция для удобства и отдания почестей ассизному¹ судье его величества, было на месте. «Роллс-ройс» величиной с пещеру урчал мотором перед входом в резиденцию, Высокий шериф², фигура, чуть попахивавшая нафталином, но тем не менее сиявшая в парадной форме Добровольческого полка, давно, правда, расформированного, изо всех сил старался почтительно поклониться, не зацепившись при этом за собственную шпагу. Его капеллан колыхался рядом в непривычных для него черных шелках. Заместитель шерифа в одной руке сжимал шляпу с высокой тульей, в другой – увенчанный резным черепом семифутовый³ эбеновый жезл, коим графство Маркшир по необъяснимой причине считает необходимым обременять заместителей своих шерифов в подобных случаях. Позади них мрачную, но не менее внушительную группу «послушников» составлял приданный судье штат сотрудников: секретарь, маршал⁴, дворецкий и слуга маршала. Впереди отряд полицейских с мерцающими в лучах бледного октябрьского солнца пуговицами и значками застыл в полной готовности обеспечить безопасный проезд судьи по улицам Маркхэмптона. Представление было впечатляющим, и находившийся в центре его худой сутулый мужчина в пурпурной мантии и алонжевом⁵ парике отдавал себе отчет в том, что способствует этому не в последнюю очередь.

Однако факт оставался фактом, одиозным, но неоспоримым: традиционных герольдов-трубачей не было. Спущенная с цепи война со всеми ее ужасами уже катилась по земле, и, как следствие, судья его величества вынужден был шествовать к автомобилю, следуя церемониалу не более пышному, чем подобает какому-нибудь послу или архиепископу. Чемберлен летал в Годесберг и Мюнхен, чтобы попытаться спасти традиции, но тщетно. Гитлер о них и понятия не имел. Герольды должны уйти со сцены. Это была горестная мысль, и, судя по выражению лица Высокого шерифа, тот считал несколько бестактным со стороны судьи в такой момент касаться столь болезненной темы.

– Герольдов нет! – с тоской повторил его светлость и чопорно сел в машину.

Достопочтенный сэръ Уильям Хереуард Барбер, рыцарь, судья Отделения королевской скамьи Высокого суда правосудия, как он был представлен на обложке «Перечня дел, предназначенных к слушанию в ассизном суде Маркшира», в начале своей судебной карьеры был по очевидной причине известен как Молодой Бладобрей⁶. С течением лет прозвище, естественно, сократилось до просто Бладобрея. А в последнее время в узком, но постепенно расширяющемся кругу его стало принято называть между собой Папой Уильямом – по причинам, к которым его возраст не имел никакого отношения: ему не стукнуло еще и шестидесяти. Когда он

---

¹ Ассизы (assizes –англ.) – выездные сессии суда присяжных, которые созывались в каждом графстве не реже трех раз в год; дела слушались судьями Высокого суда правосудия. – *Здесь и далее примеч. пер.*

² В Англии – главный представитель правительства в графстве; выполняет преимущественно административные функции; назначается королевской жалованной грамотой на один год.

³ 1 фут = 30,5 см.

⁴ Маршал в системе отправления английского правосудия – чиновник суда, сопровождающий судью на выездные сессии.

⁵ Удлиненный парик с массой локонов, спускавшихся на грудь и плечи.

⁶ Английское слово «barber» означает «мужской парикмахер», «цирюльник», «бладобрей».

надевал цивильное платье, смотреть, надо признать, было особо не на что. Одежда обычно неуклюже висела на его долговязом и тощем туловище. Движения у него были угловатыми и резкими, голос – хриплым и слишком высоким. Но в судейском облачении есть нечто, что придает значительность любой фигуре, за исключением разве что совсем уж лишенной всякого достоинства. Свободная мантия скрывала его неуклюжесть, а обрамлявший лицо длинный парик усиливал эффект суровости, которую придавал лицу довольно длинный орлиный нос, и скрадывал слабость линий рта и подбородка. Сейчас, откинувшись на мягкую спинку сиденья «роллс-ройса», он выглядел судьей до мозга костей. Небольшая толпа, собравшаяся у входа в резиденцию поглазеть на его торжественный отъезд, расходилась по домам с чувством, что – с герольдами или без оных – ей довелось лицезреть великого человека. Вероятно, именно в этом и состояло оправдание всей церемонии.

Полковнику Хаббертону, Высокому шерифу, с костюмом повезло меньше. Маркширские добровольцы никогда не были особо выдающимся и воинственным подразделением, и трудно поверить, что модельер, который создавал для них униформу, отнесся к своей работе всерьез. Он позволил себе излишнюю щедрость в использовании золотых галунов, чрезмерную причудливость в обращении с погонами и вовсе уж фатально отпустил вожжи воображения, когда дошел до моделирования шлемов, один из которых в настоящий момент был неловко нахлобучен на колено своего хозяина. Даже в лучшие для себя времена эта форма выглядела фанфаронской. В век же походного обмундирования она и вовсе стала нелепым анахронизмом – не говоря уж о том, что она была чертовски неудобна. Хаббертон, испытывавший жгучую боль в подбородке из-за высокого жесткого воротника, отдавал себе отчет в том, что хихиканье, доносившееся из толпы, относится к нему, и чувствовал себя неловко.

Судья и шериф смотрели друг на друга со взаимным недоверием людей, вынужденно объединенных официальным делом, но прекрасно сознающих, что между ними нет ничего общего. За обычный рабочий год Барберу приходилось иметь дело приблизительно с двадцатью шерифами, и он пришел к выводу, что к тому времени, когда он в ком-то из них обнаруживает хоть что-то интересное, наступает пора переезжать в следующий на его орбите город. Поэтому-то он давно отказался от попыток разговаривать с ними. Хаббертон же, напротив, до своего назначения на должность никогда в жизни не видел ни одного судьи и не слишком бы огорчился, если бы по окончании своих годовых служебных обязанностей не встретился ни с одним другим. Он крайне редко покидал свое сельское имение, где серьезно и эффективно вел хозяйство, и твердо придерживался мнения, что все юристы – проходимцы. В то же время на него помимо воли производил впечатление тот факт, что сидящий перед ним человек представляет самое Корону, и это ощущение немало его раздражало.

В сущности, единственным пассажиром этой машины, который чувствовал себя абсолютно безмятежно, был капеллан. Поскольку так же, как герольды, традиционная по случаю открытия выездной сессии суда церковная служба была принесена в жертву суровым требованиям войны, никто не ждал от него никаких слов или действий. А посему он мог позволить себе спокойно прислониться к спинке сиденья и наблюдать за происходящим с довольной улыбкой, выражающей безграничную терпимость. Что он и делал.

– Мне жаль герольдов, милорд, – признался в конце концов полковник Хаббертон. – Это из-за войны. Мы получили указание...

– Я знаю, знаю, – снисходительно перебил его светлость. – Не сомневаюсь, что герольды в данный момент выполняют какую-то другую обязанность. Надеюсь, мне удастся услышать их в свой следующий приезд. Лично я, – сказал он после некоторого колебания, – не придаю значения всем этим атрибутам, – повел он рукой, обьяв, казалось круговым движением машину, ливрейного лакея на запятках, полицейский эскорт и даже самого шерифа. – Но некоторые мои коллеги придерживаются иного мнения. И уж тем более страшно представить себе, что подумал бы об ассизах без герольдов кое-кто из моих предшественников!

Те, кто знал Барбера лучше, говорили, что когда он выказывал особую чудаковатость или требовательность, то неизменно оправдывал себя ссылками на высокие образцы, установленные его коллегами или, в случае несостоятельности последних, его предшественниками. Перед мысленным взором собеседников вырастало великое сообщество деспотических существ в пурпуре и белизне, не позволяющее скромному Барберу ни на йоту отступить от его праведных обязанностей во имя интересов всего английского правосудия, прошлого и настоящего. Разумеется, Барбер обычно не проявлял ни малейшего желания послушаться их.

– Да герольды-то здесь, – сказал Хаббертон. – И я собственными руками изготовил для них рыцарские плащи. Похоже, напрасно потратил время.

– Вы всегда можете сделать из этих плащей каминные экраны, – любезно предложил судья.

– У меня дома уже три комплекта таких экранов: отца, деда и двоюродного деда. На что мне еще пара?

Его светлость поджал губы, и вид у него сделался недовольным. Его собственный отец был помощником поверенного, а дед – барменом на Флит-стрит. В дальнем уголке его сознания всегда таился страх, что это выйдет наружу и его станут презирать.

«Роллс-ройс» полз вперед, не обгоняя полицейского эскорта.

– Черт бы побрал эту палку! – добродушно выругался заместитель шерифа, с трудом пристроив свой официальный жезл между собой и дверцей машины, в которой ехал вместе с маршалом. – Я на этой должности уже десять лет, и каждый раз мне хочется разбить его в щепки. Удивляюсь, как я этого еще не сделал. Его следовало бы засунуть в холодильник на вечное хранение, вместе с герольдами.

Маршал, простодушный на вид светловолосый молодой человек, посмотрел на жезл с интересом.

– И все заместители шерифов носят с собой эту штуковину? – спросил он.

– О господи, нет, конечно! Это особенность нашего верноподданнического и консервативного города. Вы впервые участвуете в выездной сессии?

– Да, я пока еще ни одной не видел.

– Что ж, думаю, к окончанию турне вы насмотритесь вдоволь. Хотя это не такая уж плохая для вас работенка – две гиней в день и все включено, не так ли? А мне, поскольку обоих моих партнеров и половину штата сотрудников призвали в армию, приходится руководить конторой, да еще и участвовать в этом балагане. Полагаю, вы хорошо знакомы с судьей, да?

Маршал покачал головой:

– Нет. Я встречался с ним всего однажды. Он оказался знакомым моего знакомого и через него предложил мне эту работу. Сейчас, знаете ли, более опытного маршала найти трудно. – Он немного покраснел и объяснил: – Меня не взяли в армию. Сердце.

– Не повезло.

– А поскольку я увлекаюсь юриспруденцией, то подумал, что для меня это шанс. Судья – великий юрист, ведь правда?

– М-м-м. Предоставляю вам самому ответить на этот вопрос, когда вы понаблюдаете за ним подольше. В любом случае вы приобретете полезный опыт. Меня, кстати, зовут Картер. А ваше имя?.. Простите, не уловил.

Молодой человек снова покраснел.

– Маршалл, – ответил он. – Дерек Маршалл.

– Ну разумеется, теперь припоминаю. Судья говорил: «И фамилия Маршалл, и должность маршал». Ха-ха!

Дерек Маршалл принужденно рассмеялся в знак согласия. Он уже догадывался, что ему предстоит еще не раз выслушивать шутки насчет этого совпадения, прежде чем закончатся их турне.

Не всякая машина способна двигаться так же плавно, как «роллс», когда необходимо ехать вровень с марширующими в уставном темпе полицейскими. (Кстати, рассуждал в это время Барбер, любой из его предшественников потребовал бы как минимум конный эскорт и к менее достойному сопровождению отнесся бы с презрением. Хаббертон разбередил его рану воспоминанием о том, что его дед поставлял на войну двадцать пять копыеносцев в полном обмундировании.) Арендванная машина, в которой ехали Маршалл и Картер, взрываясь, двигалась неуклюжими рывками на самой низкой скорости.

– Когда минуем Маркет-плейс, станет легче, – пообещал Картер. – Там мы их догоним, обгоним и приедем в собор раньше... Ну вот! Теперь гони, парень, гони! – велел он шоферу.

Машина рванула вперед, и бездельники, собравшиеся на узкой площади посмотреть на проплывающее мимо Воплощение Закона, прыснули из-под колес в разные стороны.

Бимиш, секретарь судьи, был абсолютно доволен жизнью. Начать с того, что он участвовал в Южном турне, которое по многим причинам предпочитал любому другому. Во-вторых, ему удалось набрать штат – дворецкого, слугу маршала и повариху, – который представлялся ему безоговорочно управляемым и, похоже, не собирался ставить под сомнение ни его авторитет, ни право на ту мелкую поживу, которая может упасть ему в руки за время их совместной деятельности. И наконец, последнее и, быть может, самое важное: заместитель шерифа Маркшира оказался Истинно Хорошим Парнем.

По классификации Бимиша, заместители шерифа подразделялись на Жадных Шельмцов, Добропорядочных Джентльменов и Истинно Хороших Парней. Свою принадлежность к той или иной категории они обнаруживали в первый же момент первого дня ассизов. Когда к подъезду резиденции подавались машины, чтобы везти почетных гостей в церковь и далее на открытие слушаний, Жадный Шельмец не предоставлял никакого средства передвижения секретарю судьи, которому приходилось топтать улицы собственными стопами – а стопы у Бимиша были плоскими – или нанимать такси за свой счет; удачно же подбить счета по поездке при таких лишних тратах, видит Бог, весьма нелегко. Добропорядочный Джентльмен предлагал Бимишу место в своей машине, рядом с шофером, так что к месту назначения секретарь прибывал с комфортом, чтобы не сказать – с помпой. Но Истинно Хороший Парень, который кое-что смыслил в важности места, занимаемого секретарем судьи в общей иерархии, выделял в его распоряжение за счет графства отдельную машину. Именно в такой машине, замыкавшей процессию, двигавшуюся по улицам Маркхэмптона, и ехал Бимиш в настоящий момент, всем своим толстым маленьким телом подрагивая от удовольствия.

Рядом с ним сидел Сэвидж, дворецкий, – унылый пожилой человек, вечно сутулый, словно его спина за долгие годы почтительного услужения нескольким поколениям судей согнулась навсегда. Он имел репутацию человека, которому был хорошо знаком каждый английский город, входивший в маршруты выездных судебных сессий, и никто никогда не слышал от него ни единого доброго слова ни об одном из них. На полу между двумя мужчинами лежало странное собрание предметов: сумка с блокнотами его светлости, жестяной футляр с его коротким париком, наколенный коврик его светлости и атташе-кейс, из которого Бимиш мог по требованию достать наточенные карандаши, запасную пару очков, коробочку пастилок от кашля или любой другой из дюжины предметов первой необходимости, без которых правосудие не могло осуществляться должным образом.

Бимиш давал Сэвиджу последние инструкции. Они были совершенно излишни, но ему доставляло удовольствие давать их, а Сэвидж, похоже, не имел ничего против того, чтобы их выслушивать, так что никакого вреда это никому не причиняло.

– Как только меня высадят у собора, отвезите все это в здание суда.

– Я только надеюсь, что они сделали что-нибудь со сквозняками в зале заседаний, – скорбно заметил Сэвидж. – Прошлой весной во время слушаний это было нечто ужасное. Судья Баннистер страшно жаловался на сквозняки.

– Если его светлость почувствует сквозняк, это будет беда для всех, – сказал Бимиш, злорадно предвкушая перспективу, – большая беда. Вы слышали, что он учинил в прошлом году во время Северного турне?

Сэвидж лишь фыркнул, давая понять, что никакие поступки судей не могут его удивить и, собственно, какая разница, какие фортели они там выкидывают.

По мере приближения к собору Бимиш засуетился.

– Итак, все ли у нас есть? – спросил он. – Черная шапочка, нюхательные соли, Арчибоулд... Где наш Арчибоулд, Сэвидж?

– У вас под ногами, – указал дворецкий и вытащил из-под ног Бимиша это незаменимое краткое руководство по уголовному праву.

– Ну, тогда все в порядке. Теперь что касается полдничного чая и печенья для его светлости...

– Я велел Грину позаботиться об этом. Это его обязанность.

Грин был слугой маршала. Почему именно в его, а не в обязанности кого-то другого входило подавать чай судье, было неясно, но мрачный тон Сэвиджа не допускал дискуссий на эту тему. Бимиш решил положиться на его более солидный опыт. Поскольку ему самому не нужно унижаться, подавая чай, не важно, кто будет этим заниматься.

– Ладно, раз вы решили этот вопрос между собой, так тому и быть. Мой девиз: как запряжешь, так и поедешь. Ну вот, я прибыл! Пришлите машину обратно за мной. А теперь смотрите в оба!

Мэр и олдермен⁷ города ждали судью у больших западных дверей собора. Там же находилось несколько фоторепортеров. Все собравшиеся почтительно поклонились. Судья кивнул в ответ. После небольшой заминки, которая дала фотографам хорошую возможность снять судью в разных ракурсах, а Бимишу убедиться, что он вошел в кадр, процессия наконец разобралась по ранжиру и двинулась через центральный неф под звуки государственного гимна.

Снаружи полицейские, выстроившись в линию от входа в собор лицом на север, приняли стойку «вольно». Напротив них, лицом на юг, стояла другая полицейская цепь, готовая эскортировать высокого гостя от собора к зданию суда. Поскольку резиденция судьи находилась в городе Маркхэмптоне, охранять августейшего визитера было обязанностью городской полиции. Однако выездная сессия суда проводилась под эгидой графства Маркшир, и поэтому стоять на страже всего, что касается слушаний, было равным образом обязанностью полиции графства. Соперничество между двумя силами правопорядка бывало острым, порой даже яростным, пока под председательством самого лорда-наместника⁸ высокое собрание властей графства и отцов города не достигло взаимоприемлемого компромисса: от резиденции до собора судья принадлежит городу, от собора до здания суда – графству. Во второй и последующие дни слушаний графство сменяет город приблизительно на полпути между резиденцией и судом. Таковы уж сложности маркширского самоуправления.

Главный констебль Маркхэмптона стоял во главе своих людей. Не будучи обделен чувством юмора, он, сохраняя серьезный вид, подмигнул своему «контрпартнеру», суперинтенданту полиции графства. Суперинтендант подмигнул ему в ответ, не потому, что видел в

---

⁷ Старший советник муниципалитета; выбирается на шесть лет из числа членов совета города или графства.

⁸ Почетный титул номинального главы судебной и исполнительной власти в графстве; обыкновенно пэр или крупный землевладелец; подбирает мировых судей и представляет их кандидатуры на утверждение лорд-канцлера.

создавшейся ситуации нечто забавное, а потому, что, видимо, так следовало поступить на его месте. Неожиданно темноволосый коротышка в поношенном синем сержевом костюме, отделившись от толпы, приблизился к Главному констеблю. Он пробормотал ему в ухо несколько слов и, повернувшись, удалился. Главный констебль, казалось, не придал этому никакого значения, но как только человек ушел, кивком подозвал суперинтенданта.

– Этот парень, Хеппенстол... – тихо произнес Главный констебль. – Он опять здесь. Вчера вечером мои люди потеряли его след, но он где-то в городе. Передайте это своему шефу, ладно?

– Хеппенстол? – переспросил суперинтенданта. – Боюсь, я не знаю... За что его разыскивают?

– Ни за что. Мы просто должны не спускать с него глаз, вот и все. Специальная служба⁹ передала нам информацию о нем. Сообщите своему шефу, он полностью в курсе дела. Если судья... Идут! Отряд, смирно!

Торжественная процессия снова выплыла на свет божий.

Маркхэмптонский Каунти-Холл¹⁰, где предстояло проходить слушаниям, представлял собой здание восемнадцатого века, архитектура которого в Бедекере¹¹, без сомнения, была бы охарактеризована как «респектабельно-функциональная». Но как внутри, так и снаружи оно было запущенным до такого состояния, в какое впадают даже самые «респектабельно-функциональные» здания, когда их используют лишь от случая к случаю. Если власти и устранили в зале заседаний сквозняки, которые так беспокоили судью Баннистера, то это было единственным усовершенствованием, которое они предприняли за долгий период времени. Во всяком случае, Фрэнсис Петтигрю, откинувшись на спинку своего стула в ложе защитников и изучая потолок, заметил над карнизом пятно с отшелушившейся штукатуркой, издавна хорошо ему знакомое. Он со скукой подумал о том, сколько же лет прошло с тех пор, как он впервые увидел его, когда первый раз в качестве барристера участвовал в выездной сессии суда. Эта мысль произвела на него гнетущее впечатление. В своем отнюдь не юношеском возрасте он столь немногого добился в профессии, что напоминание о минувших годах не доставляло ему удовольствия.

На столе перед ним лежали два дела, не более интересные и не намного более высоко оплачиваемые, чем то, первое, которое вызвало в нем такой прилив энтузиазма в давно ушедшей молодости. Они только-только окупят его расходы на визит в Маркхэмптон. Помимо них, на столе лежала стопка листов – верстка, над которой он работал всю ночь. Он взглянул на верхнюю, титульную страницу: «“Оспорение изъятия имущества”. Шестое издание. Под редакцией Фрэнсиса Петтигрю, магистра гуманитарных наук, бакалавра юридических наук, бывшего стипендиата колледжа Святого Марка, Оксфорд, бывшего научного сотрудника колледжа Всех Душ, бывшего Блэкстоунского стипендиата по общему праву, члена Внешнего Темпла¹², барристера». Многократно повторенное слово «бывшего» разозлило его. Оно представилось ему лейтмотивом всей его жизни. Когда-то он собирался стать успешным и зарабатывать много денег. Когда-то он мечтал о мантии королевского адвоката и хотел войти в руководство своего инна¹³. Когда-то – жениться и создать семью. А теперь, во внезапном порыве разочарования,

---

⁹ Отдел Департамента уголовного розыска, осуществляющий функции политической полиции, а также охраняющий членов королевской семьи, английских и иностранных государственных деятелей.

¹⁰ Центральное административное здание главного города графства, где проходят заседания совета графства и сессии коронного суда.

¹¹ Название популярных во всем мире справочников-путеводителей, как правило, карманного формата, носящих имя своего первого составителя Карла Бедекера (1801–1859) – немецкого книготорговца и издателя.

¹² Темпл – название двух из четырех лондонских «Судебных иннов» – корпораций барристеров. Внешний Темпл составляют барристеры, не являющиеся королевскими адвокатами.

¹³ Судебные инны (Inns of Court) – четыре корпорации барристеров в Лондоне; пользуются исключительным правом приема в адвокатуру. Существуют с XIV в., первоначально как гильдии, где ученики обучались у опытных юристов в качестве

из которого энергично старался исключить жалость к себе, он ясно увидел, что «когда-то» превратилось в «никогда». «В тарелке вишен, в конце концов, всегда остается слишком много косточек», – мрачно подумал он.

Оглядываясь на уверенного в себе и – теперь это можно сказать наверняка – блестящего молодого человека, начинавшего свою адвокатскую карьеру под этим самым облупленным потолком, ему оставалось лишь размышлять о том, что у него пошло не так. Поначалу казалось, что все идет хорошо, а потом все обернулось плохо. Тому есть – всегда была – масса оправданий, разумеется. Например, война – та, другая война, которую уже вытесняет в забвение ее преемница, – прервала его карьеру как раз тогда, когда появились признаки того, что он на подъеме. Или неверный выбор адвокатской конторы с ленивыми и некомпетентными служащими. Личные трудности, отвлекавшие от работы в критические моменты, – надолго затянувшаяся попытка завоевать Хильду, к примеру. Господи! Как она им вертела! И, говоря беспристрастно, как благоразумно и практично принимала решения! Все это припомнилось ему теперь, равно как и многое другое: предательство друзей, невыполненные обещания поддержки, его блестящие выступления, никем не оцененные. Но если быть честным, а сейчас он хотел быть честным с самим собой, не это стало основной причиной того, что Фрэнсис Петтигрю не добился в жизни значительного успеха – да что уж там, если действительно быть честным, почему не назвать вещи своими именами? – причиной того, что он потерпел фиаско. На самом деле причина в том, что самому Фрэнсису Петтигрю чего-то не доставало. Чего-то, чем в полной мере обладали другие, те, кого он – он это знал наверняка – во многих отношениях превосходил. Чего-то, что нельзя назвать ни характером, ни умом, ни везением, но без чего ни один из этих даров не способен выдвинуть своего обладателя в первые ряды. А коли так, то какая теперь ему, Фрэнсису Петтигрю, разница?

Он окунулся памятью в прошлое, не обращая внимания на нарастающие вокруг него шум и суету. Что ж, в целом его жизнь была не такой уж плохой. Если бы двадцать пять лет назад кто-нибудь сказал ему, что средний возраст он встретит, имея весьма скромную практику и подрабатывая занудными юридическими писаниями, такая перспектива показалась бы ему унижительной. И все же, оглядываясь на пройденный путь, он хоть и видел на нем некоторые вызывающие смущение отрезки, мало о чем сожалел. Он знал недурные времена, умел удачно пошутить – то, насколько неискоренимая вольность речи мешала ему в профессии, было ему благополучно невдомек, – завел несколько хороших друзей и смог сохранить их дружбу. А кроме всего прочего, служба в выездном суде в высшей степени подходила ему. Жизнь на колесах была нужна ему как воздух. Год за годом он проводил ее в путешествиях по кругу: из Маркхэмптона в Истбери, все меньше и меньше помышляя о приработках, но будучи всегда уверенным в награде, которую приносит доброе товарищество. Конечно, Южный район¹⁴ уже не тот, каким был прежде. По сравнению со старыми временами гильдия¹⁵ стала скучным местом. Когда он вступил в нее, в ее рядах были выдающиеся персонажи – люди того типа, какой в наши дни уже и не встретишь, люди, породившие легенды о себе, которых вживе теперь и помнили-то разве что Петтигрю да еще несколько таких же, как он, ветеранов. Эта порода давно вывелась. Эти странные, милые, неистовые чудаки принадлежали ушедшей эпохе, а их преемников, едва ли способных породить хотя бы стоящий анекдот о себе, никто уже помнить не будет.

Так размышлял Петтигрю, ничуть не сознавая того, что в глазах членов гильдии моложе сорока он и сам уже был совершеннейшим персонажем «из бывших».

подмастерьев; ныне в школах при этих корпорациях готовят барристеров.

¹⁴ Один из пяти административно-эксплуатационных районов железнодорожной сети Великобритании; обслуживает территорию южнее линии Дорчестер – Солсбери – Лондон – Темза.

¹⁵ Одно из значений английского слова «mess» – группа людей, питающихся за общим столом, артель. В данном случае – местное сообщество, или местная гильдия адвокатов.

В зале суда началось какое-то шевеление. Снаружи, там, откуда в мирные времена должны были донестись бодрые звуки фанфар, послышались громкие команды суперинтенданта полиции. В следующий момент Петтигрю вместе со всеми присутствующими уже стоял, склонившись в низком поклоне. Если бы кому-нибудь довелось видеть его в эту минуту, он был бы удивлен необычным выражением враждебности, не без примеси презрения, на этом прочерченном морщинами, но, как правило, радушном лице. Среди здравствующих людей мало кто мог вызвать такое выражение на обычно доброй физиономии Петтигрю, и, к несчастью, Барбер был одним из них.

– Тишина! – рявкнул судебный пристав собранию, которое и без того вело себя тише воды ниже травы.

Вслед за этим стоявший рядом с судьей Бимиш, его секретарь, с пафосом произнес раскатистым баритоном, которым откровенно гордился:

– Пусть все лица, имеющие отношение к судебным делам, которые подлежат рассмотрению и решению милордом королевским судьей в графстве Маркшир, в том числе заключенные, содержащиеся в тюрьме в ожидании суда над ними, займут свои места. – Никто не шеломнулся. Все «лица» были уже на положенном месте, и отряд судебных приставов зорко следил за тем, чтобы они не приблизились более ни на шаг к источнику правосудия. – Милорд королевский судья повелевает всем присутствующим лицам хранить полное молчание, пока будет зачитываться состав суда.

Все «присутствующие лица» продолжали хранить молчание. Секретарь суда подхватил эстафету, продолжив высоким дискантом: «Георг Шестой милостью Божьей...» После театральной декламации Бимиша его «выступление» наверняка разочаровало слушателей, но положенные формальности благополучно были доведены до конца. Секретарь поклонился судье, судья – секретарю. В предписанный процедурой момент его светлость нацепил поверх парика маленькую треугольную шапочку и в течение нескольких бредовых минут напоминал судебскую версию Макхита. Видение, однако, длилось недолго, вскоре шапочка была снята, чтобы не являться больше на свет божий до следующего на маршруте турне города.

Бимиш зарокотал снова. На сей раз его объектом был Высокий шериф, которому он вежливо повелел передать далее согласно предусмотренной процедуре «Раздельные судебные приказы и предписания, необходимые для того, чтобы милорд королевский судья мог вершить правосудие». При этих словах Картер, словно фокусник, извлек откуда-то свернутые в трубку и перевязанные бледно-желтой лентой бумаги, которые с поклоном вручил Хаббертону. Хаббертон с еще более глубоким поклоном вручил их Барберу. Барбер с легким кивком передал их секретарю ассизного суда. Секретарь положил их на свой стол, и что далее происходило с «Раздельными судебными приказами и предписаниями», не ведомо никому. Нет сомнений, что обо всех этих важных инструментах правосудия никто больше никогда слухом не слыхивал.

Маленькая процессия опять выстроилась по ранжиру, вышла из зала и через несколько минут появилась снова. На этот раз на его светлости был короткий парик, а поверх мантии не было пурпурного, с белой оторочкой, капюшона. Это означало, что время церемоний закончилось и наступает час сурового уголовного правосудия. Для Дерека Маршалла, впервые сталкивавшегося с уголовным правом в действии, это был возвышенный и волнующий момент.

Судья коротко обсудил что-то шепотом с секретарем, после чего секретарь протрубил:

– Пусть предстанет перед судом Хорас Сидни Аткинс!

Робкий мужчина средних лет в сером фланелевом костюме, нервно моргая, встал со скамьи подсудимых, ошеломленный величием ассамблеи, собравшейся ради его правонарушения, и признал себя виновным в двоеженстве.

Маркхэмптонские ассизы наконец приступили к работе.

Глава 2

Обед и резиденция

– Маршал! – сказал судья хриплым шепотом. Это был его особый, судейский шепот – нечто совершенно отличное от голоса, которым он – а по большому счету и вообще кто бы то ни было – пользовался обычно.

Дерек, сидевший слева от судьи, виновато вздрогнул. Несмотря на ревностное отношение к закону, он испытывал невыносимую скуку от вереницы ничтожных дел, рассматривавшихся первыми по списку. Не зная, чем занять себя, он ухватился за единственную оказавшуюся под рукой книгу – Библию, предназначенную для клятвы на ней свидетелей. Поскольку в графстве Маркшир проживало не много евреев, если не считать тех слишком богатых людей, которых в уголовном суде можно встретить нечасто, востребованность Пятикнижия в отличие от Евангелия для этой цели была здесь невелика. И Дерек с головой ушел в Книгу Исхода, когда его настиг властный окрик. С усилием заставив себя оторваться от нее и перенестись из суда фараона в куда менее интересный суд, где правосудие вершил Барбер, он склонил голову, чтобы уловить приказ великого человека.

– Маршал, – повторил судья, – пригласите Петтигрю на обед.

Шел второй день ассизов. На часах было 12.30, и Петтигрю как раз завязывал красные тесемки на папке со своим вторым, и последним, делом, собираясь покинуть здание суда. Барбер, если ему это было так нужно, мог послать приглашение в любой момент утренних заседаний. Откладывая его на последний миг, он, должно быть, сознательно сочетал удовольствие от демонстрации своего гостеприимства с созданием максимума неудобств для гостя. По крайней мере, это было первое, что пришло в голову Петтигрю, когда он, раскланиваясь направо и налево, покинул зал и в промозглой унылой конуре, которая служила раздевалкой для членов суда в административном здании графства, получил это сообщение. Он планировал сесть на единственный дневной скорый поезд до Лондона, который отправлялся в час дня, и пообедать в пути. Если принять приглашение, то едва ли удастся избежать еще одной ночи в Маркхэмптоне. Более того, судья выразил желание отужинать в гильдии. А два застолья в компании Барбера – это уж чересчур для одного дня. С другой стороны, ничто не требовало его неотложного присутствия в Лондоне. Барбер, который ясно представлял себе состояние дел Петтигрю, тоже знал это и воспринял бы отказ как оскорбление. «А это означало бы, – рассудил Петтигрю, – что он затаит на меня зуб на весь оставшийся период турне». Аккуратно складывая парик в потертый жестяной футляр и характерным для себя образом наморщив нос, он обдумал все варианты.

– Обед с его светлостью, гм? – сказал он наконец. – А кто еще будет?

– Высокий шериф, капеллан и миссис Хаббертон.

– Это какая же? Та симпатичная, глупенькая на вид женщина, которая сидела позади него? Может, оно того и стоит... Ладно, приду.

Дерек, немного обескураженный бесцеремонным отношением к почти королевскому приглашению, уже собирался уходить, когда в раздевалку вошел еще один член суда, ровесник Петтигрю.

– Я закончил, – сказал вошедший. – Хочешь, возьмем такси на двоих до вокзала?

– Прости, не могу. Я остаюсь на обед.

– О! Полагаю, Папа Уильям тебя пригласил?

– Да.

– Хорошо, что тебя, а не меня. Пока!

Дерек, весьма заинтригованный, набрался храбрости спросить:

– Простите, сэръ, а почему он назвал судью «Папой Уильямом»?

Петтигрю насмешливо посмотрел на него и спросил:

– Вы знакомы с леди Барбер?

– Нет.

– В ближайшее время, безусловно, познакомитесь. «Алису в стране чудес» читали?

– Разумеется.

– Помните, там папа Уильям говорит: «В ранней юности мышцы своих челюстей я развил изучением права, и так часто я спорил с женою своею, что жевать научился на славу»?¹⁶ Послушайте, возвращайтесь-ка вы лучше в зал, а то судья того и гляди закроет заседание. Должно быть, он уже в самом конце сегодняшнего списка дел. Увидимся за обедом.

После ухода молодого человека Петтигрю несколько минут оставался один в унылой раздевалке и, наморщив лоб, о чем-то размышлял.

«Глупо было говорить это мальчишке, – пробормотал он. – В конце концов, ему может нравиться Барбер. И наверняка понравится Хильда... Да ладно!»

Он подавил угрызения совести. В это время суток он не был обязан испытывать возвышенных чувств по отношению к ней.

Петтигрю, который шел пешком от Каунти-Холла, прибыл в резиденцию сразу же вслед за остальными гостями, вошел в гостиную как раз в тот момент, когда Барбер в который раз повторял: «И фамилия Маршалл, и должность маршал», – и услышал взрыв девчачьего смеха, который означал, что миссис Хаббертон оценила шутку. Смех был не единственным ее девчачьим свойством, отметил Петтигрю после того, как с представлениями было покончено. Ее манеры, одежда, облик – все было замышлено так, чтобы создать иллюзию, будто хоть ей и не может фактически быть менее сорока, по сути своей она остается девятнадцатилетней, причем неопытной девятнадцатилетней, девочкой. Впрочем, подумал он, слово «замышлять» едва ли здесь уместно. Такое явно безмозглое существо ничего «замыслить» не в состоянии. Судя по всему, в пушистую хорошенькую головку миссис Хаббертон и не приходило, что она по всем параметрам отличается от легкомысленной милашки, которая вышла замуж прямо со школьной скамьи двадцать с хвостиком лет назад. Одного взгляда на ее мужа было достаточно, чтобы понять, что он тоже не видит этой разницы. Еще несколько лет – и она наверняка будет представлять собой весьма жалкое зрелище. Но пока она сохраняла еще некоторое шаловливое очарование, которое, следовало признать, не было лишено привлекательности. Похоже, Барбер разделял его мнение.

Маршалл, которого бросило в краску от смеха миссис Хаббертон, дрожащей рукой разливал шерри, а несколько минут спустя Сэвидж распахнул дверь и, склонившись в глубоком поклоне, объявил:

– Обед подан, милорд!

Миссис Хаббертон направилась к выходу, но судья опередил ее.

– Прошу прощения, – проскрипел он, – однако во время турне принято, чтобы судья везде следовал впереди всех – даже дам.

– О, разумеется! Как глупо с моей стороны, я забыла! – рассыпалась колокольчиками миссис Хаббертон. – Вы ведь здесь – сам король, не так ли? Простите меня за оплошность. Полагаю, мне следовало сделать реверанс, когда я вошла в комнату?

Барбер уже вышел, и его голос донесся через дверной проем:

– Лично я не придаю значения подобным вещам, но кое-кто из моих коллег...

---

¹⁶ Перевод С. Маршака.

Обед был весьма обильным. Нормирование продуктов пока еще только предстояло, а повара миссис Скуэр была воспитана в традициях, которые не могло поколебать столь ничтожное обстоятельство, как какая-то война. Миссис Хаббертон, которой домашнее хозяйство представлялось нескончаемым кошмаром, не переставала щебетать, с завистью и возбуждением изучая меню. Она видела там замаскированные своеобразным французским языком миссис Скуэр fillets морского языка, cutlets из ягненка, олады, какие-то непере译имые пряные закуски, и ее глаза искрились детским восторгом.

– Четыре блюда на обед! – восклицала она. – И это в военное время! Настоящее пиршество!

Как обычно, слишком поздно она сообразила, что сказала нечто неуместное. Ее муж покраснел, капеллан неловко закашлялся. Судья резко поднял брови, так же резко опустил и, набрав воздуха, собрался было заговорить.

«Сейчас опять будет рассказывать о своих коллегах», – подумал Петтигрю и от отчаяния прибег к спасительной иронии, по обыкновению сболтнув первое, что пришло ему в голову:

– Четыре блюда Апокалипсиса, так сказать.

Тишина воцарилась за столом достаточно надолго, чтобы он успел сообразить, что более неудачную шутку выдать было трудно. Правда, маршал не удержался в первый момент от смешка, но тут же подавил его под осуждающим взглядом судьи. Миссис Хаббертон, которой шутка и была предназначена, сделала вид, что ничего не поняла. Капеллан выглядел профессионально оскорбленным. Высокому шерифу воротник показался еще более жестким, чем всегда.

В продолжавшемся тяжелом молчании его светлость, пользуясь своей королевской привилегией, первым положил себе рыбы и многозначительно сказал:

– Дайте припомнить, Петтигрю: это вы поддерживаете обвинение в деле об убийстве сегодня во второй половине дня?

(«Чертовски же хорошо знает, что не я», – подумал Петтигрю. Прошло уже довольно много времени с тех пор, как Генеральный прокурор обнародовал все назначения на Южное турне, и тайные надежды Петтигрю на то, что Барбер не будет иметь к нему ни малейшего отношения, рухнули.) Вслух он лишь учтиво сказал:

– Нет, судья, обвинение возглавляет Фродсхэм. Младший у него – Флэк. Быть может, вы имели в виду Истберийское дело, по которому я выступаю защитником?

– Ах да! – ответил судья. – Это в рамках защиты неимущих обвиняемых, не так ли?

– Именно так, судья.

– Прекрасная система, – продолжил Барбер, повернувшись к миссис Хаббертон. – В наше время она позволяет неимущим получить юридическую помощь даже квалифицированного юриста за счет государства. Правда, боюсь, – добавил он, – что установленные гонорарные ставки прискорбно неадекватны. Думаю, то, что вы взяли на себя такое дело, свидетельствует о великом бескорыстии с вашей стороны, Петтигрю. Едва ли оно при столь низком вознаграждении стоит вашего времени и усилий, между тем как вы, без сомнения, могли бы зарабатывать гораздо более существенные суммы, защищая других клиентов.

Петтигрю поклонился и вежливо улыбнулся, но глаза у него остекленели от злости. И вся эта тяжеловесная ирония по поводу его хилой и продолжающейся сокращаться практики – в отместку за всего лишь незначительную шутку! Как типично для этого человека. Истберийское убийство было делом весьма сложным и способным привлечь довольно широкое внимание даже в разгар войны. Петтигрю ожидал, что оно принесет ему желанную известность, которая, быть может, даже перешагнет границы Южного района. Теперь сердце у него упало, потому что он осознал: Барбер вполне может устроить так, чтобы оно превратилось в очередную бурю в стакане воды. Интересно, подумал он, могут ли его клиента повесить только потому, что судья имеет зуб на его защитника?

Барбер между тем продолжал витийствовать:

– Нет сомнений, что эта система представляет собой усовершенствование по сравнению с прежними временами. Но я не знаю, что бы подумал о ней кое-кто из моих предшественников судей. Они могли бы найти нечто весьма нелогичное в действиях государства, которое, решив предъявить человеку обвинение в правонарушении, в то же время платит кому-то, кто должен убедить жюри в его невиновности. Думаю, они сочли бы это проявлением той сентиментальности, которая во многих сферах стала весьма общим явлением.

Полковник Хаббертон пробормотал что-то одобрительное. Как многие другие честные люди, он жил модными словечками. «Сентиментальность» в его голове ассоциировалась с «большевизмом», и понятия эти означали корень всех зол; мало какие реформы, социальные или политические, не могли, с его точки зрения, быть подведены под эти «рубрики».

– Возьмите, например, этот шум по поводу смертной казни, – сказал судья, и разговор, который уже грозил превратиться в монолог, моментально стал общим. Каждому было что сказать насчет смертной казни. По этому поводу у всех всегда есть что сказать. Даже маршал привел некие плохо переваренные воспоминания о том, что однажды сказал по этому поводу некто, выступая на заседании студенческого научного общества. Только Петтигрю хранил молчание, имея на то свои основания. Он прекрасно понимал, что его очередь еще настанет, причем ждать осталось недолго.

– Сентиментальность – это недуг, который особо поражает молодежь, – заметил судья. – Петтигрю, например, был яростным противником казни через повешение. Не так ли, Петтигрю?

– Я и теперь им являюсь, судья.

– Боже-боже! – Барбер сочувственно поцокал языком. – Как трудно иные расстаются с юношескими иллюзиями. Лично я, вместо того чтобы отменять смертную казнь, выступил бы за расширение ее применения.

– Чтобы злоупотреблять злоупотреблениями, – тихо пробормотал Петтигрю сидевшему рядом Дереку.

– Что вы сказали, Петтигрю? – поинтересовался Барбер, который отнюдь не был таким глухим, какими в народе принято представлять себе судей. – Ах да, конечно! Вы все шутите, но некоторым из нас этот предмет кажется очень серьезным. Я бы сегодня включил в перечень подлежащих казни куда большее количество преступников. К примеру, закоренелых воров или беспечных водителей. Я бы всех их отправил на виселицу. Лучше, чтобы их не было в этом мире.

– Но они должны быть уверены, – неожиданно вставил капеллан, – что в другом их ждет правый суд.

Из всех ляпсусов, допущенных во время злосчастного обеда, этот был, безусловно, самым сокрушительным. Служитель Бога фактически позволил себе публично обнародовать свои убеждения, намекнув при этом на существование правосудия более высокого, чем то, что вершилось в Высоком суде! Реплика капеллана, положив конец дискуссии, которая если и не была очень глубокой, то отличалась хотя бы живостью, набросила траурный покров на оставшуюся часть застолья. После нее разговор стал вянуть и окончательно сник, несмотря на время от времени предпринимавшиеся попытки оживить его. Миссис Хаббертон, желая снова «запустить машину», спросила судью, считает ли он, что заключенный, дело которого должно было рассматриваться после обеда, действительно «сделал это», но в остальном больше не было сказано ничего достойного упоминания. Сэвидж, которому по такому случаю был придан на подмогу Грин, сновал туда-сюда, подавая все новые восхитительные блюда. В дверном проеме иногда возникал загадочный индивидуум, именованный домашним официантом, который передавал бутылки и тарелки. Но никакие яства, напитки и никакое обслуживание не могли скрыть того факта, что обед как светское мероприятие потерпел фиаско. Все почувствовали

облегчение, когда Сэвидж провозгласил, что машины у подъезда, и Барбер удалился, чтобы снова надеть парик, перед тем как возвратиться в суд.

С угрюмым и мрачным видом шел он по коридору к выходу из дома, когда Бимиш вручил ему письмо.

– Прошу прощения, милорд, – пробормотал он, – но я нашел это только что. Должно быть, оно пришло, пока ваша светлость изволили обедать.

Барбер взглянул на конверт, поднял брови и вскрыл его. Сообщение оказалось очень коротким, судье не понадобилось и минуты, чтобы прочесть его. А когда он его прочел, лицо его прояснилось, и впервые за этот день он обрел явно довольный вид. Потом он передал послание Дереку.

– Это вас позабавит, маршал, – сказал он. – Когда приедете в суд, передайте письмо Главному констеблю.

Дерек взял тонкий листок с напечатанным на машинке текстом, и Петтигрю, стоявший у него за спиной, смог прочесть через его плечо:

«Судье Барберу по прозвищу Брадобрей.

Справедливость восторжествует, даже над судьями. Будь уверен, что твои грехи настигнут тебя. Ты предупрежден».

Подписи не было.

– Подобные вещи оживляют выездные сессии, – добродушно сказал Барбер. – До свидания, миссис Хаббертон, был очень рад знакомству. Пока, Петтигрю. Увидимся вечером в гильдии. Вы готовы, мистер шериф?

И он вышел из дома в приподнятом настроении.

Петтигрю, глядя ему вслед, вынужден был признать, что до некоторой степени восхищается им.

– Черт побери, в выдержке этой старой скотине не откажешь! – пробормотал он.

Тем не менее удовольствия от предстоящего ужина с гильдией он не предвкушал.

Глава 3

Ужин и его продолжение

Давать ужин в честь судьи в первом городе выездной сессии не было принято в гильдии адвокатов, но это отклонение от правил было допущено по просьбе самого судьи. Петтигрю, чтивший традиции, был решительно против, однако остальные члены гильдии возражений не имели. Чтобы устроить умеренную пьянку, один вечер был ничем не хуже другого. Кроме того, было известно, что, начиная со следующего города, сопровождать судью до конца турне будет леди Барбер, и казалось только справедливым позволить Брэдобрю немного развлечься, пока он еще может себе это позволить. К тому же это давало повод прикончить шампанское, которое уже очень давно хранилось в погребах «Красного льва», так что члены гильдии охотно заковали себя в туго накрахмаленные сорочки, как положено в таких случаях.

Барбер настоял, чтобы вечер был неофициальным, и подчеркнул эту неофициальность тем, что сам привез Дерек в отель в собственной машине, отклонив предложение воспользоваться «роллс-ройсом» шерифа. Он все еще пребывал в благодушном расположении духа, которое снизошло на него сразу после обеда. Работа во второй половине дня оказалась неожиданно легкой. Заключение в середине судебного разбирательства, уловив весьма прозрачный намек с судейской скамьи, признал себя виновным в непредумышленном убийстве, каковое признание было немедленно принято и учтено. Дерек, приготовившийся стать очевидцем первого в своей жизни смертного приговора и пребывавший в возбуждении, словно турист, которому предстояло впервые в жизни присутствовать на бое быков, испытал смесь разочарования и облегчения от столь пресной развязки. Судья вопреки кровожадным разговорам за столом продемонстрировал полное удовлетворение таким результатом и вынес приговор, грешивший мягкостью, чтобы не сказать больше. Дерек, который отнюдь не был лишен мозгов, сделал для себя вывод, что выплеск жестокости за обедом был не более чем приступом эксгибиционизма со стороны Барбера и что к этому имело какое-то отношение присутствие Петтигрю.

С дюжину мужчин удобно расположились в отведенном специально для гильдии малом зале «Красного льва». (Ходили слухи, что в Южном районе среди членов гильдии были и женщины, но, за исключением уплаты вступительных взносов, их участие в ее деятельности не поощрялось. Местные адвокаты были консервативным сообществом и следили за тем, чтобы никакие искушения не нарушали традиционного мужского братства их совместных застолий.) Председательское место занимал Фродсхэм, единственный присутствовавший королевский адвокат, пухлый приветливый мужчина, звезд с неба не хватавший, но обладавший даром излучать ауру успеха и процветания, каковая быстро сделала его действительно успешным и процветающим. Судья сидел по правую руку от него, Дерек – напротив судьи. Слева от Дерек расположился ассизный секретарь, робкий старый джентльмен, имевший слабость к нюхательному табаку. Петтигрю, то ли случайно, то ли нарочно, уселся как можно дальше от Барбера, слева от младшего барристера, или просто Младшего, который, как предписывал обычай, помещался в дальнем конце стола. К этому концу тяготели все присутствовавшие младшие члены гильдии. Петтигрю любил молодежную компанию и знал, что им нравится его общество, хотя начинал подозревать, что они видят в нем скорее музейный экспонат, чем такое же человеческое существо, как они сами.

На протяжении всего ужина судья сохранял хорошее настроение и, раззадориваемый соответствующим количеством шампанского, живо общался со всей компанией. Он делился своими взглядами на войну, которые были ничем не лучше и не хуже, чем чьи бы то ни было взгляды на нее в октябре 1939 года. Рассказал – это уж было неизбежно – несколько забавных случаев из первых лет своей юридической практики, и по мере того как вечер катился

дальше, ударился в сантименты по поводу старых времен, когда он участвовал в подобных выездных сессиях, намекнув, что теперь не то, что было прежде. Петтигрю, который обычно и сам придерживался того же мнения, слушал его с едва скрываемым презрением. Одной из самых малых его претензий к Барберу являлось то, что тот никогда не был по-настоящему предан институту выездного судопроизводства и при первой же возможности тяготы и превратности жизни на колесах приносил в жертву лондонской роскоши. Многие годы до своего назначения на нынешнюю должность он лишь номинально числился членом Южного судебного округа, и требовались баснословные гонорары, чтобы заманить его в провинцию, оторвав от неуклонно расширявшейся практики на Стрэнде. Петтигрю признавал, что ничего плохого в этом не было. Он и сам в те годы мечтал о богатой столичной практике. Но он ненавидел лицемерие, и у него были особые причины ненавидеть этого конкретного лицемера. Его бесило, когда он слышал, как этот самозванец притворялся перед теми, кто его не знал, истинным наследником традиций выездных судов и кладезем знаний о них.

Они достигли стадии бренди и сигар, когда судья поднялся из-за стола.

– Существует множество прекрасных старых обычаев, которым грозит забвение, – произнес он. – Вот один из них, быть может, неизвестный более молодым из присутствующих здесь юристов. Боюсь, что я, вероятно, единственный среди вас достаточно старый, чтобы помнить его, и мне хотелось бы его возродить. Это обычай, согласно которому старший член гильдии в первый день Михайловой сессии¹⁷ произносит традиционный тост. Я вам его напомним: «Fiat Justitia!»¹⁸

– Потрясающе, сколько же всего знает судья об этих старых обычаях, – заметил сосед Петтигрю по столу, после того как присутствующие отдали должное тосту.

– Потрясающе, – сухо подтвердил Петтигрю. На самом деле тост должен был звучать так: «Fiat Justicia, Ruat Caelum»¹⁹ – и произноситься в конце летней сессии не старшим, а младшим членом гильдии. Если не считать этих мелочей, Папа Уильям все сказал правильно. Впрочем, до мелочей ли. Старый мошенник справедливо отметил: традициям ассизных судов действительно грозило забвение, – но Петтигрю был уже слишком пьян, чтобы сильно тревожиться на этот счет.

– Между прочим, маршал, – снова сев, спросил его светлость Дерек, – вы передали то мое *billet doux*²⁰ Главному констеблю?

– Да, – ответил Дерек. – По-моему, он отнесся к нему гораздо... гм, гораздо более серьезно, чем вы.

– Это его работа – ко всему относиться серьезно. Кроме того, ему не довелось повидать столько подобных писем, сколько видел их я на своем веку. Удивительно, – продолжил он, поворачиваясь к Фродсхэму, – как много анонимных писем получает судья за время своей службы. Разумеется, на них не обращаешь никакого внимания. Вам придется нарастить толстую кожу, когда вы сядете на судебскую скамью, уверяю вас.

---

¹⁷ Михайлова сессия – сессия Высокого суда, которая начинается в Михайлов день (29 сентября).

¹⁸ Пусть торжествует правосудие (*лат.*).

¹⁹ Пусть торжествует правосудие, хотя бы обрушилось небо (*лат.*).

²⁰ Любовное письмо (*фр.*).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.